

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44
П21

Rory Power
IN A GARDEN BURNING GOLD

Дизайн обложки *Виктории Давлетбаевой*

Пауэр, Рори.

П21 В горящем золотом саду : [роман] / Рори Пауэр; пер. с англ. А. Тихоновой. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Легенды Young Adult).

ISBN 978-5-17-147765-3

Вместе со своими братьями и сестрами Реа и Лексос управляют временами года, приливами и звездным небом и помогают своему отцу править королевством. Благодаря их магии семья правила целую вечность и планирует править еще столько же.

Реа и Лексос — близнецы, связанные глубокими узами, и в течение последних ста лет эта связь защищала их, в то время как отец все больше превращался в непредсказуемого тирана. В конце концов его ухудшающийся характер стал угрозой для власти семьи.

Теперь, когда соперничающие народы готовы к нападению, а повстанческое движение на пороге границ королевства, Реа и Лексос должны сражаться, чтобы сохранить страну и семью, вместе, даже когда предательство и обман угрожают развести близнецов по разные стороны поля боя.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-147765-3

© Rory Power 2022
First published in Great Britain in 2022 by
Titan Books
© Тихонова А., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Για τον Παππού**

От автора

Вымышленный мир книги вдохновлен разными частями света, но не отражает ни одну конкретную страну или культуру в какой бы то ни было период времени.

* Дедушке (греч.). (Прим. пер.)

Действующие лица

**обозначает умерших*

Тизакос

- *Айя Ксига** — святая, по преданиям, жившая в Ксигоре.
- Василис Аргирос** — стратагиози Тизакоса, отец Александроса, Реи, Ницоса и Хризанти.
- *Ирини Аргирос** — супруга Василиса Аргироса, мать Александроса, Реи, Ницоса и Хризанти.
- Александрос Аргирос** — сын и преемник Василиса Аргироса, брат-близнец Реи.
- Реа Аргирос** — дочь Василиса Аргироса, Тиспира, сестра-близнец Александроса.
- Ницос Аргирос** — сын Василиса Аргироса.
- Хризанти Аргирос** — дочь Василиса Аргироса.
- Яннис Ласкарис** — ксигорский наместник Тизакоса.
- Эвантия Ласкарис** — супруга Янниса, мать Михали.
- Михали Ласкарис** — сын и наследник ксигорского наместника.
- Гиоргиос Сперос** — рокерский наместник Тизакоса.
- Каллистос Сперос** — сын и наследник рокерского наместника.
- Димитра Маркоу** — мирицкий наместник Тизакоса.
- Ламброс Контопоулос** — претендент на руку Реи в зимнем сезоне.
- Димос Галанис** — претендент на руку Реи в зимнем сезоне, брат Никоса.
- Никос Галанис** — претендент на руку Реи в зимнем сезоне, брат Димоса.

Пирос Зограф — высокопоставленный член Схорицы, беженец из Амолы.

Елени Аврамидис — служанка в доме Аргиров.

Флора Стамоу — служанка в доме Аргиров.

Лефка — лошадь.

Трефацио

Тарро Домина — стратагиози («стратагорра» на трефакском) Трефацио.

Джино Домина — сын и преемник Тарро Домина.

Фалька Домина — дочь и преемница Тарро Домина.

***Люко Домина** — первый стратагиози («стратагорра» на трефакском).

Франциско Домина — потомок двоюродного брата Тарро.

Карима Домина — дочь Тарро.

Марко Домина — сын Тарро.

Меркер

Зита Девеци — стратагиози («ордукамат» на меркерском) Меркера.

Ставра Девеци — дочь и преемница Зиты Девеци.

Чужа

Настя Руденко — стратагиози («торавосма» на чужском) Чужи.

Олек Руденко — сын и преемник Насти.

Амолова

Аммар Баша — стратагиози («корабрет» на амоловакском) Амолы.

Ора Баша — дочь и преемница Аммара.

Превдъен

Милад Караич — стратагиози («восвидъяр» на превдъенском) Превдъена.

Марьям Караич — дочь и преемница Милада.

Глава 1

Реа

Неделя вдовства тянулась невыносимо долго. Черные одеяния, заунывное пение, вуали... эти мрачные дни любого свели бы с ума. Реа никак не могла привыкнуть к трауру даже после всех многочисленных браков. Что ж, по крайней мере, от нее не ожидали горьких слез.

Она подалась вперед на сиденье кареты, громы-хавшей по дороге в сторону Стратафомы — отцовского дома, уютившегося на краю отвесной черной скалы. Издалека удавалось разобрать лишь непроходимую внешнюю стену и верхушки каменных крыш. Где-то там, за парадным двором и двойными дверьми, ее ждала семья. Конечно, больше всех ей обрадуется Александрос, как, впрочем, и Реа ему. Близнецы всегда тяжело переносили разлуку.

Младший брат Реи, Ницос, проводил все дни с утра до вечера в мастерской и обычно даже не замечал ее

отсутствия. А вот Хризанти наверняка будет счастлива увидеть сестру хотя бы потому, что Реа всегда делилась с ней историями о путешествиях.

Крошка Хризанти... Впрочем, все они уже не дети, и теперь их нельзя так называть. Младшая сестра Реи любила собирать рассказы о ее почивших супругах и хранила их в шкатулке у кровати.

Порой по ночам можно было услышать, если, конечно, намеренно напрячь слух, как Хризанти открывает шкатулку и съедает парочку историй, оставляя крошки на простыне. Что ж, и на сей раз она не разочаруется. Реа сохранила несколько особенно ароматных, сладких и пряных. Хрустящих, как осенние листья.

Как раз такие истории нравились Хризанти больше всего.

Карета подъехала к двойным дверям во внешней стене Стратафомы. Неровная поверхность была выкрашена в темно-синий, неофициальный цвет Аргирисов. История рода недостаточно глубоко ухodziла корнями в века, чтобы семья могла законно претендовать на оттенок, но отец Реи очень гордился своей фамилией и настаивал на том, чтобы во всем — и в одеждах, и в интерьере — преобладал насыщенный темно-синий. Он был стратагиози Тизакоса, а значит, нес ответственность за страну. Поэтому и на его детей упало бремя обязанностей.

Рео единственная была вынуждена по долгу службы покидать дом и отправляться в чужую постель в незнакомом жилище в каком-либо из городов, которые находились под влиянием отца.

Но с последним супругом все слишком затянулось. Он допустил неприятную ошибку — позволил

себе влюбиться. Реа увидела оттенок нежных чувств в глазах мужа, и у нее не поднялась рука вонзить нож ему под ребра. Она ощутила... Вероятно, укол вины.

Лишь после того, как на высокую траву и оливковые деревья лег утренний холод, и супружеская чета села завтракать, Реа нашла в себе силы попросить мужа отвернуться и не двигаться. Убийство вышло неаккуратное, и это дурно сказалось на сезоне. Все складывалось куда лучше, если она сразу добиралась до сердца.

Реа непременно так и поступит со следующим, зимним супругом, которого выберут через две недели.

Карета поехала дальше по булыжной мостовой, через земли поместья к парадному двору. Реа увидела деревянные обитые гвоздями двери на цепях и шестеренках, которые распахнулись будто сами по себе. Сразу узнавалась рука Ницоса. Он был средним ребенком в семье — старше Хризанти, но младше близнецов. И в то время как Александрос всюду следовал за Васой подобно тени, Ницос без устали трудился в мастерской. Он мог собрать и заводную игрушку с паровым сердцебиением, и целый садик с часовым механизмом, засеянным цветами из ткани.

Ницос занимался машинами и механизмами, чтобы в любом уголке поместья все работало исправно.

Дорога за воротами была поровнее, и булыжник сменился каменными плитами, выложенными, словно лоскутное одеяло. Реа прильнула к окну, чтобы поскорее увидеть двери, ведущие во внутренний двор. Для кареты они слишком узкие, а для всадника чрезвычайно низкие. В дом Васы можно войти только пешком, без оружия и без злых намерений.

У ворот уже ждали две служанки, стоило карете остановиться, как одна поспешила забрать багаж, а вторая — открыть дверцу. Реа провела в тесном и трясущемся салоне много часов, ей не терпелось вдохнуть свежий воздух полной грудью. Поэтому она толкнула дверь плечом, и служанка отскочила назад, чтобы не попасть под удар.

Реа спрыгнула с подножки и легко приземлилась на каменные плиты, нагретые полуденным солнцем.

Газон был ухоженный, коротко подстриженный, вдоль стен высажены вечно цветущие розовые кусты. Хризанты много времени проводила за работой в саду, накладывала аккуратные мазки и следила за тем, чтобы каждый лепесток был одинакового розового оттенка.

— *Кириа* Реа? Вы готовы войти?

Ей всегда было непривычно слышать свое истинное имя после очередного заключенного брака. В Тизакосе, да и на всем континенте, к ней обращались по титулу Тиспиры: он доставался ребенку стратагиози, который получал те самые обязанности, что лежали сейчас на плечах Реи.

Она оглянулась на служанок, державших ее багаж. Вышитые бисером сумки выделялись на фоне невзрачных платьев. Реа узнала девушку, которая оказалась пониже ростом. Это была Елени, сестра одного из бывших супругов. Обычно Реа забирала в качестве сувениров лишь несколько нарядов и безделушек, но пять-шесть сезонов назад взяла из дома почившего супруга и Елени.

Она слабо помнила, что послужило причиной, однако девушка умоляла взять ее в служанки несмотря

на то, что под ногтями Реи еще не засохла кровь родственника Елены.

Реа кивнула служанкам и пропустила их вперед, чтобы двинуться следом. Платья у девушек были серые, с юбками до пола и высокими воротниками, рукава облегали плечи, но свободно свисали ниже локтя. В дорогу от Патрассы до Стратафомы Реа выбрала черный траурный брючный костюм с плотной шерстяной накидкой поверх пальто. И уже предвкушала возвращение к привычному гардеробу.

В шкафу хранились роскошные, яркие наряды с мозаикой выполненной из ткани, изысканной вышивкой, пышными рукавами, красные, синие и золотые — ее любимых «кровавых цветов», как называл их Васа.

Кобальтовые двери распахнулись, и Реа скользнула в проем вслед за служанками. Во внутреннем дворе тоже чувствовалась рука Хризанти, но совсем не так, как во внешнем, где отец требовал методичного соблюдения правил.

Здесь, в их личном пространстве, он позволял Хризанти делать все что ей вздумается, и она ни капли не сдерживалась. Плетистые розы обвивали стены, заполняя все щели и трещины. Дикие цветы на тонких длинных стеблях цеплялись за кружевные шпалеры и радовали взгляд, кивая хрупкими белыми головками. В углу росла олива с листьями зеленее тех, что можно было увидеть на кустарниках в семейном саду. Напротив гордого дерева прямо из стены бил фонтан. Вода бурлила, выливаясь из пасти каменного льва, цвет был изумительным, подобного оттенка Рее больше нигде не приходилось встречать. Воздух словно отяжелел от солнца, золотой свет раз-

ливался повсюду. Хризанты забыла о сдержанности и не оставила ни клочка теней.

Реа живо представляла, как младшая сестра замерла у фонтана, смешивая краски на деревянной палитре, а потом провела кисточкой по водной ряби, наполняя ту блеском и мерцанием.

— Не медли, — потребовал мужской голос с другого края двора, и Реа подняла взгляд на брата Александроса, или по-простому — Лексоса, который топтался на крыльце в расстегнутом синем пальто, спрятав руки в карманы. — Я уже замерз, тебя ожидая.

— Ах, какая тяжелая жизнь, — подтрунила Реа и обогнала служанок, чтобы скорее поприветствовать брата.

Он вытянул руки, и девушка позволила себе улыбнуться, подаваясь в объятия Лексоса.

От него пахло солью и влажностью, как от старых домов из замшелого камня. Реа сделала глубокий вдох. Не то чтобы ей нравился запах, но он был приятно знаком.

Супруги сменяли друг друга, Лексос всегда оставался прежним.

— Где остальные? — спросила Реа, отстраняясь.

— Хризанты на кухне.

— А Ницос?

— Сама как думаешь?

Мастерская находилась там, где в обычном доме располагался бы чердак. Реа иногда навещала Ницоса и едва могла разобрать очертания верстаков под завалами шестеренок, изящно выкованных цепей, разнообразных штифтов и шурупов. Большинство изобретений включали в стандартный набор

животных, созданных прежними стратагиози, но менее удачные экземпляры выпускали в сад, где они свободно бродили, пока их не поражала ржавчина.

— Не будем ему мешать, — предложила Реа, — и пойдем на кухню.

Там они нашли Хризанти, которая держала в руках узкую длинную скалку и бережно раскатывала тесто по гранитной столешнице. В миниатюрной и хрупкой девушке еще дышало детство, хотя все они оставили эти времена в прошлом, по крайней мере, сотню лет назад. Но, наверное, облик младшей сестры всегда будет напоминать Рее о незабвенной поре юности.

Близнецам достались темные волосы матери, а Хризанти пошла в отца. Все четверо потомков Аргиросов унаследовали прямой нос, свойственный роду, чуть опущенные уголки глаз, темно-синюю радужку. Хризанти же отличалась от сестры и братьев яркими золотыми локонами и треугольным, но не острым, а скругленным подбородком, как у Васы. Даже походка у младшей дочери и отца была схожая — обманчиво осторожная, несмотря на непоколебимую уверенность представителей семейства.

Но порой Рее казалось, что всем досталось чувство уверенности, кроме нее.

Лексос проводил время дома, задачи у него были ясные и понятные, и он всегда соответствовал ожиданиям Васы, какими бы высокими те не становились. Ницос чувствовал себя в мастерской как рыба в воде, и жизнь его шла по накатанной колее, где все уже давным-давно известно. Вряд ли он испытывал что-либо кроме полного удовлетворения своим существованием.

Зато Реа вынуждена выходить в мир и наблюдать, как супруги умирают, чего никогда не произойдет ни с ней, ни с братьями и сестрой.

Однажды она заговорила об этом с Лексосом — когда впервые обнаружила, что на ее коже почти не запечатлеваются следы прошедших лет.

— Не говори глупостей, — сказал он с легким раздражением. — Мы вовсе не бессмертны. Просто еще не умерли.

И так было с семьями стратагиози. Ты продолжал жить в расцвете сил, пока жизнь не обрывалась.

Реа росла подобно обычным девушкам в начале правления ее отца, но теперь выглядела почти так же, как лет восемьдесят назад, когда достигла совершеннолетия. Пожалуй, на то, чтобы у нее появился первый седой волос, уйдет еще век.

Хризанти подняла взгляд, когда близнецы зашли на кухню, выронила скалку и подбежала к ним. Глаза девушки сияли, а щеки покраснелись.

— Реа!

В то время как объятия Лексосу таили в себе нежное утешение и чувство покоя, рядом с Хризанти возникало такое чувство, будто она трясет тебя, пытаясь разбудить. Фартук сохранил тепло после долгих часов перед горячей печью, руки крепко сжимали талию старшей сестры, и на несколько секунд ноги Реи даже оторвались на пару дюймов* от пола.

Реа постоянно забывала о том, что Хризанти обогнала ее в росте.

— Господи, у тебя будто и гостей не бывает, — пошутила Реа, когда сестра ее отпустила.

* 5,08 см. (Здесь и далее прим. ред.)

— Ты не то чтобы гостя, — справедливо заметил Лексос.

Хризанти нахмурилась и провела ладонью по накидке Реи.

— Извини, испачкала тебя в муке.

— Ничего страшного, если готовишь что-то вкусненькое, — заверила ее Реа и расцеловала в обе щеки. — Ну как ты, куколка?

Хризанти расплылась в очаровательной улыбке.

— Рада, что ты вернулась.

«Ничто в мире не может сравниться с улыбкой Хризанти», — подумала Реа, расстегивая накидку.

Ни в чьей душе нет столько света.

— Что делаешь? — спросила Реа, бросив накидку на скамью, встроенную в каменную стену, и занявшись застегками пальто.

— Питу на ужин. Но я не решила насчет начинки.

— Давай помогу, — предложила Реа. — Я принесла несколько аппетитных историй.

Александрос

Лексос, стоя на пороге, наблюдал за сестрами. Они раскатывали тесто для питы, и Хризанти столь увлеченно рассказывала о новой задумке, что нечаянно прикусила прядь растрепавшихся волос. Он уже об этом слышал — о каком-то особом способе освещать оливы в полночь, окутывая деревья морским сиянием.

Хризанти тогда буквально вытащила Лексосу из постели, повторяя: «Давай же, пойдем, посмотришь!» Однако Реа лучше умела задавать необходимые вопросы и улыбаться в нужные моменты.

По крайней мере, обычно. Сегодня ее мысли витали где-то далеко. Она старалась внимательно слушать Хризанти, однако то и дело поглядывала на дверь, а плечи ее были напряжены.

Сейчас Рее ничего не грозило. Отец отправился в одну из тех поездок, в которые пока не брал с собой Лексосу. Конечно, Васа вернется домой до ужина,

значит, у них в запасе есть еще около часа тишины и покоя.

Сестры закончили с последним слоем теста, который Реа аккуратно положила поверх остальных, покоящихся на краю стола. Потом она позвонила в колокольчик, висевший на стене, чтобы вызвать служанку. Девушки всегда были где-то поблизости, даже если не попадались на глаза.

— Кто-нибудь принесет мою сумку, — громко проговорила Реа, — и мы займемся начинкой.

Рео с детства умела лучше других собирать слова. Она складывала руки лодочкой, рассказывая историю, и та кристаллизовалась в ладонях.

Мать научила всех четверых детей этому искусству, уникальному дару, присущему лишь их роду, но только Реа помнила, как превращать истории в семена.

Они называли их кимифи, как нечто среднее между печеньем, фруктами и конфетами. У Реи они всегда были сладкими, хрустящими снаружи и нежными внутри, пропитанными ароматом гвоздики. Если у Лексоса и получалось создать семя истории, оно выходило горьким. Иногда он практиковался вечерами, коротая время до того момента, когда звезды прожгут небо, но кимифи приносили сплошное разочарование.

Может, суть в том, что ему нечего рассказать, в отличие от Реи? О чем он поведаст сестрам? О встрече с Васой? К сожалению, говорить там особо не о чем.

Елени зашла на кухню слегка согнувшись, чтобы не привлекать внимания, положила вышитую бисером сумку на тумбу и сразу же выскользнула в коридор. Похоже, она куда-то спешила. Наверное,